

Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был и великим учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубину души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего, и как только гремела полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих. Казалось, все птицы столицы стекались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: «Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя». Незабываемое было зрелище этого седого, улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками, — оно останется среди самых дорогих воспоминаний.

Одна из обычных радостей Куинджи была помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь

Страницы истории искусств

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Сегодня, в день празднования 100-летия первой передвижной выставки в России, мы публикуем воспоминания НИКОЛАЯ РЕРИХА о мастерской знаменитого художника-передвижника А. И. Куинджи, написанные в 1937 году.

Материал предоставлен редакции Центральным государственным архивом литературы и искусства (ЦГАЛИ) и в нашей стране публикуется впервые.

его. Простой крымский пастушок, он сделается одним из самых прославленных наших художников исключительно благодаря своему дарованию.

«Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», — говаривал Куинджи. Но зато он восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то я пропадите скорее! Жизнь в недотрогах не нуждается». Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы света со тьмою.

Пришел к Куинджи с этюдами служащий: художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

— Сколько вы часов на службе? — спрашивает художник.

— От десяти утра до пяти вечера.

— А что вы делаете от четырех до десяти?

— То есть как от четырех?..

— Именно от четырех утра.

— Но я сплю.

— Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил регистром в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до десяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день.

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпаса стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России...

Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмущались возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать».

Сорок лет прошло с тех пор, как ученики Куинджи разлетелись из мастерской его в Академии художеств, но у каждого из нас живет все та же горячая любовь к учителю жизни. В каждой статье об искусстве приходится на память всегда свежие заветы учителя, уже более четверти века ушедшего от земли. Еще в бытность нашу в академии Щербов изобразил в карикатуре нашу мастерскую; для обстановки Щербов взял мою картину «Сходятся старцы», но карикатура лишь подчеркнула нашу общую любовь к учителю. Когда же в 1896 году президент академии обвинил Куинджи в чрезвычайном влиянии на учащихся и потребовал его ухода, то и все ученики Куинджи решили уйти вместе с учителем.

И до самой кончины Архипа Ивановича все мы оставались с ним в крепкой любви, в сердечном взаимопонимании и содружестве. И между собою ученики Куинджи остались в особом неразрывных отношениях. Учитель сумел не только вооружить нас к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству. Сам Куинджи знал всю тяготу борьбы за правду. Зависть сплетала о нем самые нелепые легенды. Доходило то того, что завистники шептали, что Куинджи вовсе не художник, а пастух, убивший в Крыму художника и завладевший его картинами. Вот до чего допозла змея клеветы. Темные люди не могли переварить славу Куинджи, когда статья о его «Украинской ночи» начиналась словами: «Куинджи — отцы это имя знаменитое».

Писали о Куинджи и дружили с ним такие люди, как Тургенев, Менделеев, Достоевский... Одни эти имена уже обостряли язык клеветы... Но боец был Куинджи, не боялся выступать за учащихся, за молодых, а его суровые, правдивые суждения в совете академии были грозными громами против всех несправедливостей. Своеобразный способ выражений, выразительная краткость, мощь голоса навсегда врезались в память слушателей его.

Хранят нерушимо память об учителе и все разлетевшиеся ученики, укрепившие имена свои на страницах истории искусства.

Вильгельм Пурвит стал главой академии Латвии. Чуткий колорист Пурвит, как никто, запечатлел весеннее пробуждение природы. Передал снега, облаканые солнцем, и первые листья берез, и звонкие ручьи. Читая его ласковые слова о родной природе, мы видим перед собою славного, углубленного Пурвита.

Привет Пурвиту.

Фердинанд Рушниц стал корифеем польского искусства. Старый город Краков гордится им, и во многих странах знают его героические произведения. Именно героичность звучит в картинах Рушница, и в пейзажах, в самых твердых, уверенных красках утверждена сила художника. В 1903 году в Вильне последний раз встретились с Рушницем, но словно бы не пробежали эти десятки лет.

Привет Рушницу.

Аркадий Рылов укрепил себя на одной из лучших страниц русского искусства. «Зеленый шум» Рылова обошел все художественные издания. Русские музеи хранят его картины, а многие ученики его сохраняют о нем сердечную память. Работали мы с Рыловым и после академии 17 лет в О-ве поощрения художеств. Как прекрасно вел он свои классы и как любили его ученики! Русскую природу он любит и знает и умеет передать эту любовь своим ученикам. Рылов — заслуженный деятель искусства — еще недавно, после смерти Горького так прекрасно писал в «Красной газете» о памятнике великому писателю и о народном творчестве. Рылов умеет ценить народные сокровища. Уже 16 лет не виделись мы, но как вчера вижу дорогого друга.

Привет Рылову.

Николай Химона подтвердил собою лучшие основы Греции. И с ним мы работали 16 лет в лучшем социализме. Он умел хранить заветы учителя. В 1930 г. в Лондоне была его посмертная выставка. Сильны и свежи были его пейзажи. Снега, реки, весенние холмы, а также и знаки его родины — Греции.

Привет Химона.

Константин Вроблевский любил Карпаты, Украину. И с ним дружно работали мы в школе О-ва поощрения художеств. Верный во славе, твердый в работе, Вроблевский был примером для учащихся.

Привет Вроблевскому.

Константин Богаевский, певец Крыма, дал свой неповторенный стиль. Помнится статья Волошина о Богаевском. Незабываемы характерные скалы и старые башни Тавриды и совершенно особая схема колорита.

Привет Богаевскому.

И Латри любил Крым. Элегия и величавость запечатлены в его картинах, в глубоком тоне и в покое очертаний. Слышно было, что Латри был в Париже и увлекся прикладным искусством. Едино искусство, и всюду оно должно внести красоту жизни.

Привет Латри.

Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далами — полными его настроений. Странники по лицу земли уходят за холмы, блестят степные речки, за легли курганы, и шепчутся темные сосновые боры.

Привет Зарубину.

Привет всем друзьям, ученикам Куинджи.